

Ирина Градова
**ЛОТЕРЕЯ ДЛЯ
НЕУДАЧНИКОВ**

ЦЕНТРОПОДГРАФ
КоМедия
Городская романтическая

Ирина Градова

Лотерея для неудачников

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=584805

Лотерея для неудачников: роман: Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-01964-6

Аннотация

По жизни мы часто встречаем притких везунчиков и невезучих бедняг, закоренелых неудачников, полных лузеров. Так вот Валечка Степанова была бы среди последних королевой. Окружающие привыкли злоупотреблять добротой, граничащей с бесхребетностью, незаметной серой мышки с маленькой зарплатой. Как-то на ВВЦ Валечка купила лотерейный билет с таинственным предсказанием. Тут и вовсе случился разгул стихий: стали ломаться вещи, падать предметы, перегорать лампочки. Когда существование ее превратилось в настоящий кошмар, девушка обнаружила, что не одинока в своем нелепом и обременительном даре. А старая истина, что не было бы счастья, да несчастье помогло, неожиданно оправдала себя!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ирина Градова

Лотерея для неудачников

Часто или изредка, своевременно или некстати – все мы задаемся вопросом: кто же такие неудачники? Люди, слепленные из плохо поднявшегося теста? Прокаженные, которых граждане «средней удачливости» обходят стороной, чтобы, не дай бог, не заразиться этой многовековой болезнью? А может быть, они – обыкновенные разгильдяи и лоботрясы и им просто-напросто лень ковать свое счастье, покуда оно горячо? Или же тот, кто разыгрывает лотерею под названием «жизнь», не оставляет этим несчастным никакого шанса выиграть?

Почему то, что одному дается с небрежной легкостью заправского кутилы, другой получает лишь после долгих мытарств и тяжких лишений? Почему его величество случай идеально раскладывается перед одними в пасьянс, а перед другими образует колючую проволоку из мелких и крупных препон? Почему кто-то без труда получает золотую рыбку, а кто-то, сколько ни расставляет сети, не может поймать даже обычного пескарика?

Мой уважаемый читатель наверняка обвинит меня в наивности и подумает, что ответ на эти вопросы легко найти в какой-нибудь умной книге под названием «Психология неудачника, или Как стать победителем», предназначенной

для менеджеров среднего звена. Но, да простит меня мой дорогой друг, я не воспользуюсь его советом, поскольку книга написана для других, менее прагматичных умов и целей.

И все же, если мой читатель извинит мне обычную многословность и, быть может, неуместное философствование, я расскажу ему историю, случившуюся в одном городе, где жители боятся слова «неудачник» гораздо сильнее, чем дети – страшного Бабая, поскольку взрослые люди бегут от неудачника как от чумы, а то и попросту его не замечают. В конечном итоге неудачник в этом большом и красивом городе обречен на одиночество, хотя что же это я? – на «одиночество вдвоем» – в компании со своей неудачей...

Кто знает, вероятно, эта история поможет ответить на вопрос, кто такие неудачники и так ли страшно считаться одним из этих странных, вызывающих столько вопросов людей? А если и не поможет – что с того? Надеюсь, что и в том и в другом случае мой добрый друг испытает удовольствие, читая о совершенно необыкновенных событиях, происходящих с обыкновенно-необыкновенными людьми, имя которым – неудачники...

Глава 1

Валя, Валентина, Валечка

– Валя... Меня зовут Валя... Это же так просто: Валя, – бормотала полусонная Валечка, разглядывая свое отражение в зеркале.

Зеркало отражало мало утешительного. После вчерашней корпоративной пьянки – мешки с пеликаний зоб под глазами. В самих глазах – красная паутинка от стандартного недосыпа: после корпоратива полночи ушло на разговоры о Ленкином новом парне. Волосы, естественно, свисают, как сосульки с карниза, и, чеши не чеши, приличнее не становятся.

– Черт... – пробормотала Валечка, пытаясь попасть карандашом в веко, то и дело подмигивающее нервным тиком. – А ты говоришь, Валя... Какая же ты Валя, когда ты – даже не Валечка...

Рука дрогнула, карандаш съехал, нарисовав что-то вроде пущенной в землю стрелы. В ванную постучали. Валечке показалось, что стучат ей в голову, прямо в висок, откуда доносится тупая пульсирующая боль.

– Лена?

– А кто ж еще-то? Ты что, в гости к Собчак намылилась? Фиг ли так долго?

У Ленки, яркой фанатки «Дома-2», фамилия Собчак давно

уже стала нарицательной. Она использовала ее и к месту и не к месту, и по поводу и без повода, чем иной раз доводила Валечку до бешенства, правда умело скрываемого. Краткий список «собчако-толкового» словаря включал в себя следующее:

«намылиться к Собчак» – долго краситься и прихорашиваться;

«побывать у Собчак» – вернуться домой в хорошем настроении;

«звонить Собчак» – часами трепаться по телефону;

«собчаچه чутье», «собчахий нюх» – умение выбрать модную шмотку;

«собчачья жизнь» – здесь, кажется, можно обойтись без толкования...

– Ща-ас, Лен, погоди еще чучуточку. Я уже заканчиваю...

– Давай бегом. Я на работу опаздываю. Начальник – как волк, сожрет и не подавится.

Ленка – мерчендайзер фирмы «Хеппи бейби», занимающейся товарами для младенцев, то есть памперсами, присыпками, сосками, бутылочками и прочее и прочее, – терпеть не могла свою работу, поэтому всячески старалась на нее опоздать, при этом, чтобы не чувствовать себя виноватой, регулярно обвиняла в своих опозданиях Валечку. Валечка хорошо это понимала и не жаловалась. Она бы тоже не хотела раскладывать по полкам памперсы, чувствуя спиной жгучие взгляды продавцов и контролеров. Правда, ее рабо-

та не шибко интеллектуальней Ленкиной, но все ж таки в офисе. И хотя Валечка – всего-навсего «завскрепкой», все ее любят. А потому ей хочется идти на работу...

– Хочется ведь? – спросила Валечка у отражения.

– Нет, – ответило отражение в своем обычном духе, глядя на Валечку немигающим похмельным взглядом.

– А, чего от тебя ждать, – махнула рукой Валечка и, запихнув в косметичку карандаш, вышла из ванной.

– Ты б лучше не красилась, дитя неразумное... – вздохнула Ленка, увидев подругу, но Валечка уже ничего не слышала. Пролетев по квартире как бешеная, она собрала все самое-самое и уже одной рукой застегивала «молнию» на ботинке, пытаясь при этом придержать второй здоровую черную сумку, предмет постоянных Ленкиных насмешек.

На улице с утра облачно и ветрено – погода обещала быть мерзко-дождливой и подпортить Валечке вечернее свидание. Конечно, можно пойти в кафе, но Славик не очень любит сорить деньгами, а Валечка и так в этом месяце задолжала за комнату в квартире, которую они с Ленкой снимают на двоих.

Ладно, можно и без кафе, тоскливо подумала Валечка, представляя себе, как они со Славиком будут бродить, гонимые дождем и ветром, по аллеям выставочного центра. А потом у Славика испортится настроение, а потом оно испортится и у Валечки, а потом они разъедутся по домам несолоно хлебавши, он – в свою однушку на «Ботаническом саду»,

она – в съемную двушку на двоих с Ленкой. Романтичненькая перспектива!

Валечка даже подумала отменить свидание, но так и не решилась, потому что никогда не решалась на подобные выкрутасы. Славик наверняка обидится – его мужское эго не простит Валечке такого пренебрежения... Вот если бы он сам отменил встречу, тогда совсем другое дело...

Валечка влетела в офис в половине девятого. Протянув сонному охраннику паспорт, она поднялась на второй этаж, не раздеваясь, уселась в кресло и несколько минут слушала тишину, предвещающую начало рабочего дня. Это всегда помогало ей собраться с силами, а сил у нее сегодня катастрофически мало...

Раздевшись, Валечка окинула взглядом последствия вчерашнего «пати» и поняла, что действовать нужно немедленно и в темпе. Минут через сорок один за другим начнут сползаться коллеги, и тогда уборка станет попросту невозможной.

Вцепившись в мусорное ведро, как в спасательный круг, Валечка сбросила в него пластиковую посуду с остатками еды и скомканные салфетки, обгаренные губной помадой. Убрав в шкаф девственно ненадкушенный хлеб, она в раздумье остановилась перед нарезанными апельсинами – вчера ей долго пришлось уговаривать Анну Васильевну оставить хотя бы часть фруктов в нетронutom виде. «Все равно же все не съедят», – объясняла Валечка, но Анна Васильевна слиш-

ком упряма, чтобы кого бы то ни было слушать...

Придется выбрасывать, вздохнула Валечка, и апельсины с окаменевшей за ночь цедрой полетели вслед за салфетками и пластиковой посудой. Стряхнув со стола крошки, Валечка приволокла бутылку с чистой водой и, скрючившись, как вопросительный знак, от тяжести, вставила ее в паз для бутылки. Можно было, конечно, дожидаться кого-нибудь из мужчин, но те слишком часто забывали о Валечкиных просьбах, а Анну Васильевну просто трясло от вида пустых бутылок, стоящих на кулере.

Разобравшись с водой и остатками вина, Валечка вспомнила о грязных чашках, которые Анна Васильевна имела обыкновение оставлять у себя на столе. Заскочив в кабинет начальницы, Валечка забрала чашку и пластиковый стакан, но вымыть их не успела, потому что в сумке настойчиво затренькал мобильный телефон.

Звонил Саша Плюйский, менеджер по Таиланду. В конторе у него была репутация веселого раздолбая, он запросто мог опоздать или вовсе не выйти на работу, но многое ему прощалось из-за веселого нрава, постоянных клиентов, год за годом оставлявших в агентстве немалые суммы, и просто хорошего отношения Анны Васильевны, которая, по ее собственным словам, любила «счастливицков».

Валечка к «счастливицам», «везунчикам» и «любимчикам» не относилась. И потому Саша Плюйский звонил ей, а не наоборот.

– Валечка? – надломленным голосом поинтересовался Саша, как будто трубку Валечкиного телефона мог снять кто-то другой.

– Привет, Саш, – поздоровалась Валечка, стараясь подхватить одной рукой и чашку, и стакан. – Что-то случилось?

– Да ты – провидица, – простонал в трубку Саша. – Заболел я. Совсем мне что-то фигово. Видать, вчера просквозило. Таксист, собака, некурящий оказался, весь мозг мне вынес, чтоб я форточку открыл... Кхе-кхе... – для пущей убедительности кашлянул Саша. – Так что сегодня я не выйду. Ты уж Анне Васильевне скажи как-нибудь...

– Конечно, – ответила Валечка, представляя себе гневный взгляд Анны Васильевны, которой еще вчера Саша клятвенно обещал не прогуливать без особой надобности. – А ты поправляйся, – сочувственно добавила она. – Травок попей. Чабрец от горла помогает...

– Обязательно. Прямо сейчас и заварю, – бодро ответил Саша. Необходимость звонить начальству отпала, и это подействовало на него лучше всякого лекарства. – Спасибо, Валечка...

– Не за что...

Оставив мобильный на столе, Валечка понеслась споласкивать чашку. Оказалось, что возле мойки красуется целая батарея клонированных кружек с надписью «Трэвел пипл». Как будто у всех вчера отшибло память, и все как один забыли вымыть за собой посуду. К грязной посуде Анна Васи-

льевна относилась немногим лучше, чем к опустевшей бутылке в кулере. Поэтому Валечка, проклиная головную боль, перебегающую от одного виска к другому, вооружилась губкой и остатками средства для мытья.

– Привет, Золушка! – нарисовалась в дверном проеме Людка Овсеева, которая обычно приходила раньше всех остальных сотрудников, не считая Валечки. – Как самочувствие?

– Фигово, – призналась Валечка. – Но жить можно... Помнишь вчерашние клятвы Плюйского?

– Угу, – кивнула Людка, разглядывая свое лицо в карманном зеркальце.

– Так вот, он только что звонил... Сказал, что простудился... – печально изрекла Валечка, выплескивая кофейную гущу в жерло сливного отверстия.

– Простудился он! – хмыкнула Людка, не отрывая глаз от собственного отражения. – Слушай больше! У него такая же простуда, как у нас с тобой. Но мы-то на работу вышли...

– Может, и так, – пожала плечами Валечка, – только отчитываться перед Анной Васильевной мне придется...

– Сашка на это и рассчитывал. Сорвется-то наша Аня на тебе, а Сашка придет – с него как с гуся вода. Сказала бы ему, пусть сам звонит... Слушай, Валечка... – Людка оторвалась от зеркала и пристально посмотрела на коллегу. – У меня тут запара... Не выручишь? Делов в принципе немного, – торопливо принялась объяснять Людка. – Надо страниц

пять-шесть напечатать. У меня работа в институте горит, а ты сама знаешь, я текст набираю с черепашьей скоростью... Выручишь? – с надеждой посмотрела на нее Людка.

– Когда?

– Сегодня.

– Не могу я, Людочка... – Валечка виновато покосилась на девушку. – Свидание у меня вечером. Совершенно никак не могу.

– А завтра?

– Завтра смогу, – обрадованно согласилась Валечка.

– Надеюсь, препод подождет, – мрачно кивнула Людка. – Совру, что собака до сумки добралась. Бред, конечно, а чё делать-то...

– Ты уж извини, сегодня никак не выходит... – продолжала оправдываться Валечка, параллельно домывая оставшиеся чашки. – А завтрачка обязательно все сделаю. В лучшем виде...

– Договорились, – повеселела Людка. – С меня – шоколадка.

Валечка не любила сладкое, но вся контора «расплачивалась» с ней шоколадками, печеньем и пирожными. Поначалу Валечка отказывалась, а потом смирилась. Ленка любила сладкое, поэтому все презенты доставались ей. А коллеги твердили свое извечное «нам же это ничего не стоит». И действительно, что стоит шоколадка в сравнении с часом-тремя потраченного времени? При зарплате в пять раз больше Ва-

лечкиной?

День прошел как обычно, с той лишь разницей, что головная боль к середине дня усилилась, и Валечке пришлось обежать весь офис в поисках таблетки. Людка Овсеева дала ей шипучий аспирин, что не ускользнуло от всевидящего ока Анны Васильевны, которая, как назло, в этот момент выплыла из своего кабинета.

– Таблеточками балуемся? – ехидно поинтересовалась она у краснеющей Валечки. – Головушка болит? Ручки трясутся? Хорошо, значит, вчера посидели... То-то Плюйский на работу не вышел... У него небось заразилась?

Валечка промычала что-то насчет больного зуба и ретировалась за стаканом воды. Начальство всегда вызывало у нее благоговейный трепет. Особенно Анна Васильевна – властная сорокалетняя женщина, не лезущая в карман за острым словом. Даже если Валечка ни в чем не была виновата, то Анна Васильевна доказывала обратное, и Валечка чувствовала себя преступницей. Вот и сейчас, хотя весь офис страдал похмельем, а Саша Плюйский и вовсе остался «болеть» дома, Валечка считала себя «асоциальным элементом» и старалась пить воду как можно тише, чтобы никто не слышал ее предательских глотков.

Ближе к концу дня Валечка получила эсэмэску от Славки, который подтверждал свою готовность встретиться на «ВД-НХ», правда, сообщил, что вместо обещанных четырех будет на месте в пять. Валечку это опоздание даже обрадовало:

теперь Людке не придется врать препода, что с работой расправилась ее собака. Анна Васильевна, как обычно по четвергам, уехала из офиса около трех, так что Валечка надеялась успеть и Людке помочь, и со Славиком встретиться.

Валечка печатала быстро, но пять-шесть страниц почему-то превратились в одиннадцать, а еще Людка постоянно тащила ее в курилку, где по пять минут рассказывала о действительно живущем в ее квартире щенке, который и вправду постоянно обо что-то чесал свои свежевылупившиеся зубки. То о тапки мужа, то о Людкины новые сапоги, которые та купила по дешевке в «Терволине», то о свекровину кожаную сумку, из-за которой эта «старая коза чуть собаку с балкона не сбросила»... В общем, когда все было закончено, Валечка с ужасом обнаружила, что, даже если она вылетит из офиса сию же секунду, все равно опоздает на встречу.

Кинув панически-извиняющееся СМС на Славкин номер, Валечка натянула куртку, заперла офис и побежала к метро, по дороге лихорадочно соображая, ехать ли ей через битком забитое кольцо с двумя пересадками, руководствуясь мифом «по кольцу – быстрее», или через относительно спокойную радиальную – с одной. Сделав выбор в пользу злополучного кольца, Валечка, проклиная «Таганскую», «Краснопресненскую», Людкину работу и саму себя, протискивалась через плотные ряды пассажиров, получая от последних тычки и неллицеприятные замечания в свой адрес. На ступеньках Валечку шатнуло, и она наступила на ногу идущей позади жен-

щины.

– Ох, простите, – краснея, обернулась Валечка. – Я не нарочно...

Немолодая надушенная блондинка посмотрела на Валечку уничижающим взглядом, в котором читалось гипертрофированное презрение и такая ненависть, что Валечка съехала, превратившись в усохший кленовый листок.

– Мать твою, – фыркнула женщина, очевидно не подобрав других слов для выражения своих эмоций.

– Ну я же не нарочно... – прошелестела Валечка и отвернулась, не дожидаясь очередного упоминания своей матери.

Толпа выплюнула ее на «ВДНХ», и Валечка вздохнула почти с облегчением: от Славика пришла очередная эсэмэска, смысл которой заключался в том, что он, как и Валечка, не успевает к назначенному времени. Слизывая с губ мелкие дождевые капли, Валечка побрела к арке, на ходу размышляя, что ей делать в ожидании Славика.

Возле арки Валечка столкнулась с «велорикшей», местной достопримечательностью. На своем нехитром устройстве – смеси велосипеда и телеги – он развозил пассажиров по бескрайним просторам центра. Правда, брал за это недешево – по полтиннику, но удовольствие того стоило: было и смешно и страшно одновременно, в общем, как на настоящем аттракционе.

От услуг «велорикши» Валечка отказалась: во-первых, цена на «аттракцион» была недешевой, а во-вторых, девушка

все равно не знала, где убить время, ожидая опаздывающего Славика. Обычно они со Славиком встречались возле арки, но погода к ожиданию не располагала, поэтому Валечка наполнилась решимостью отыскать недорогое кафе, где можно выпить чашку горячего кофе и посидеть в относительно спокойной обстановке.

Минут через десять окончательно замерзшая Валечка поняла, что искать недорогое кафе на выставочном центре – все равно что искать пальму на Красной площади. Славик отбил очередное СМС, из которого Валечка узнала, что торчать под дождем и ветром ей придется как минимум еще минут десять.

«За эти десять минут я точно тут околею», – ужаснулась про себя Валечка. Планы летели под откос с катастрофической скоростью...

Валечка поплелась обратно, к арке, на ходу оглядывая уютные кафе, из которых доносился оглушительный аромат шашлыка. И почему так всегда? Ни разу у нее обстоятельства не складывались как пазл, и она не проводила время по своему усмотрению...

Валечка попыталась припомнить хотя бы одно свидание, которое можно было назвать безупречным. Ни одного... Все время встречу что-то портило: то опоздания Славика, то его скверное настроение, то плохая погода, то чьи-то несвоевременные звонки с просьбами «Валечка, пожалуйста, мне срочно», то еще какая-нибудь ерунда.

В последнюю их встречу Славику не хватило денег, чтобы расплатиться за их более чем скромный ужин: два стакана пива, которое, между прочим, Валечка пила только из экономии, две порции креветок и блюдо с фисташками, которые, как орех Кракатук, ни в какую не хотели очищаться. Поглядев на счет, Славик развел руками и с невиннейшей из улыбок повернулся к Валечке:

– Зайчонок, у тебя есть деньги? Я что-то не рассчитал...

Слава богу, Валечка всегда носила в паспорте резервно-неприкосновенные деньги на случай «а если вдруг». И «если вдруг» случилось... Тогда она даже обиделась на Славику, но виду не показала. Обиделась не столько из-за денег, бог бы с ними, сколько из-за Славикина пофигизма: он выводил ее «в свет» не так часто, мог бы и озаботиться такой мелочью, как пиво и фисташки... Больше всего ее задело, что Славик даже не покраснел.

Как будто с ним произошла рядовая ситуация, которая случается каждый день с каждой влюбленной парой...

Впрочем, Валечка очень быстро перестала злиться на Славику, в обычной своей манере оправдав его тем, что он «совершенно не со зла», «вовсе не хотел», «просто так получилось». Как, стоит заметить правды ради, получалось у всех и всегда, когда эти «все» имели дело с Валечкой Степановой.

Вот и сейчас, вспомнив об этой неприглядной, не красящей ни ее, ни Славику ситуации, Валечка поспешила отвернуться от нее, как человек со средним достатком отворачи-

вается от бомжа, стоящего в полуночном переходе метро с протянутой рукой. Было – и было. В конце концов, все мы не идеальны...

Погруженная в мысли о своих неудавшихся планах Валечка не заметила, как свернула с аллеи, ведущей к выходу, и забрела в какое-то безлюдное место, отгороженное от центра высокими железными воротами.

За распахнутыми настежь воротами красовалось обшарпанное болезненно-желтого цвета здание, под козырьком которого горела вывеска – тоже желтая, но куда более веселая: «Голодный Колобок». Надпись заставила бы улыбнуться даже царевну Несмеяну: среди бесконечных шашлычных «У Рубена», пончиков «У Армена» и блинчиков «От Джамиля» «Голодный Колобок» казался верхом оригинальности. Именно это и сделала Валечка, прежде чем нырнуть в нутро желтого домика.

Внутренности «Голодного Колобка» оказались очень даже симпатичными. Маленькие столики, абстракционистские картинки, развешанные по стенам, миленькие скатерочки и совсем уж поднимающее настроение меню, рассчитанное как на едока с кошельком, так и на вечно голодного студента со смятой двадцаткой на дне потертого кармана.

Памятуя Ленкино наставление «Полнота – лучший друг одиночества», Валечка остановилась на крабовом салате без риса и чашке кофе, о которой мечтала всю дорогу. Она, как, впрочем, и Ленка, была далеко не толстушкой, но, подобно

большинству современных девушек, имела предрасположенность к анорексии.

Критиковать свою внешность Валечка начала лет с шестнадцати, когда один особенно остроумный одноклассник «отчитал» ее за новенькую короткую юбку: «С твоими ногами я бы из брюк не вылезал...» Что не так с ее ногами, одноклассник не объяснил, а Валечка, естественно, уточнять не стала. Весь день она чувствовала на себе взгляды, магнитом притягивающиеся к ее ногам и проклятой юбке. Совету одноклассника Валечка неукоснительно следовала в течение девяти лет, а когда ей очень уж хотелось надеть юбку, она неизменно выбирала годе по щиколотку, что, к сожалению, выглядело нелепо из-за ее невысокого роста.

Из кафе Валечка вышла голодной, утешая себя обычным Ленкиным «девочка должна выходить из-за стола с чувством легкого голода» и надеясь на то, что сможет обойтись без ужина, вернувшись домой. Вестей от Славика не было, но Валечка решила не испытывать судьбу и вернуться к арке. Шагая по асфальту, испещренному мелкими каплями выпадающего дождя, она, ежась, думала о том, что встречу все-таки стоило перенести.

Домой, домой, в теплую постель, пусть даже одинокую, размышляла Валечка. Ленки не будет, но это даже к лучшему – не придется полночи слушать про ее нового хахалю на новеньком джипе... Стакан молока, книга, что еще нужно

для счастья? Наверное, Славик... Но Славик вряд ли захочет поехать, сошлется на завтрашнюю работу...

Странная штука: Валечка шла и терялась в догадках, куда именно гонит ее промозглый ветер. Выставочный центр она не считала таким уж загадочным местом. Они частенько встречались здесь со Славиком – так ему удобнее было возвращаться домой. Оглядев куцые кусты и фонарные столбы, Валечка поняла, что все-таки заблудилась.

Кого бы окликнуть? Она покрутила головой, но людей, как назло, не было. Пока она сидела в «Голодном Колобке», окончательно стемнело, и только желтые глазницы фонарей издевательски таращились на Валечку: «Ага, заплутала!»

Валечке стало жутко. Она ускорила шаг и пошла вперед, полная решимости найти выход из этого во всех отношениях странного места.

– Эй, дочка! – раздался позади скрипучий голос.

Валечка вздрогнула, почувствовав себя героиней известной всем со школьной скамьи «Василисы Прекрасной». Дурацкий детский страх тут же нарисовал в воображении Бабу-ягу с черепом-светильником в скрюченных пальцах.

«Ну что за глупость! – осеклась Валечка. – Кто-то заблудился, как и я...»

Обернувшись, она с удивлением увидела перед собой старичка, хотя жутковатый голос, казалось, должен был принадлежать бабушке. Старичок тащил за собой тележку. На ней красовалась здоровая стеклянная банка, похожая на ту, в ко-

торой продают жевательные резинки и чупа-чупсы. Ничего страшного в незнакомце не было, разве что странное: чудной фиолетовый плащ, перехваченный поясом с серебристой пряжкой, и невероятно яркая оранжевая шапка никак не вязались с его преклонными годами. Старичок, покряхтывая от тяжести, направлялся к Валечке.

– Может, вам помочь? – поинтересовалась она, предположив, что тот окликнул ее именно для этого.

– Спасибо, дочь, я пока сам справляюсь, – хихикнул старик и, остановившись прямо перед Валечкой, выкатил из-за спины свою ношу.

В стеклянной банке лежали вперемишку разноцветные бу-мажки. Валечка вопросительно покосилась на старика и тут же заметила, что, несмотря на преклонный возраст, у него удивительно молодые и яркие глаза: синие и ясные, как небо в июньский день. Да еще и насмешливые, как будто старичок втихомолку подхихикивал над смущенной и недоумевающей Валечкой.

– Я, дочка, вот чего... Не хочешь сыграть?

– Сыграть? – опешила Валечка. – Во что?

– Купить билетик. Лотерейный, – невозмутимо ответствовал хитрый старикан.

Таймшер, пронеслось в голове у Валечки, лохотрон, игровые автоматы... Пожилой ведь человек, а такими вещами занимается...

– Да брось ты, дочка, – не сводя с нее глаз, произнес ста-

рикан. – Ничего такого. Никакого обмана. Все честно. Покупаешь билетик и получаешь все, что в нем указано. Если хочешь, можно даже договор составить. Как это у вас говорят?... Я за базар отвечаю...

– У кого это – у вас? – не удержавшись, приснула Валечка. – Я так никогда не говорю.

– Вот и чудненько, – бог знает чему обрадовался старик. – Тогда ты мне и на слово поверишь.

Договоры, билетики, базар – все это смешалось в Валечкиной голове. Ситуация выглядела странной во всех отношениях.

– Будет тебе думать, дочка, – не унимался старик. – Билетики-то совсем дешевенькие. Неужто пяти рублей жалко?

Пяти рублей? Конечно, Валечке не жалко пяти рублей. Но червячок сомнения все-таки глодал душу. А вдруг за первыми пятью последуют вторые пять? А потом – десять, двадцать, сто? В изобретательности нынешние кидалы переплюнут самого черта...

– Обижаешь, дочка, – покачал головой старичок. – Думаешь, я, старый человек, хочу тебя объегорить? Как это у вас... кинуть? Пять рублей – один билетик. Больше я тебе все равно не продам. Каждому по билету. Как говорится, всем сестрам – по серьгам... Что ж это вы за Фомы такие неверующие? Совсем разучились доверять людям... Вот беда... А я-то думал, ты, дочка, получше, чем все эти...

Валечка не поняла, кого старичок имеет в виду под «все-

ми этими», но ей стало стыдно. Вообще-то он не прав – Валечка привыкла верить людям. Во всяком случае, знакомым ей людям. Но незнакомцу... А уж тем более такому чудному...

– Хорошо, – согласилась Валечка и полезла в сумку за кошельком. – Я куплю. Только один.

– Я ж тебе, дочка, говорю – больше не продам... Тяни, – предложил он, когда Валечкина рука вынырнула из сумки. – Давай смелее, не бойся. Банка не кусается.

В этот момент Валечка испытала давно знакомое, но хорошо забытое чувство: кровь прилила к лицу, все мышцы точно напряглись, а внутри вспорхнуло множество мотыльков. Такая мелочь – всего лишь лотерейный билетик. И почему она так разволновалась?

Валечка вытащила оранжевую бумажку, основательно сложенную, как будто нарочно для того, чтобы с ней дольше возились. Она была похожа на бумагу для детских аппликаций, но уж никак не на лотерейный билет. Валечка чуяла подвох, но сердце все равно выстукивало барабанную дробь, словно в этой бумажке могло оказаться что-то очень ценное.

Развернув наконец бумажку, Валечка прочитала от руки написанное четверостишие:

Откроешь ты себя саму,
Когда поймешь смысл слова «правда»,
И, если жизнь твоя – шарада,
Задайся мыслью: почему?

Несколько секунд Валечка стояла, оглушенная гробовой тишиной, которая вдруг обрушилась на ее мозги, вечно озадаченные чужими проблемами. Она вглядывалась в мельтешащие перед глазами строчки, вчитывалась в каждое слово, но ничегошеньки не могла понять. Придя в себя, она решила, что старичок попросту над ней подшутил. Ей захотелось сказать что-нибудь резкое его насмешливым глазам, но Валечка почему-то знала заранее, что ничего такого не сделает, и даже не потому, что привыкла молча сносить тычки и прятать все проблемы в глубокий ящик под названием «плохие воспоминания», а потому, что... старичка и след простыл.

Глава 2

Фантазии в манере Славика

– Зайчоныш, извини, что опоздал! – Славик торопливо чмокнул ее в щеку, ткнулся носом в воротник ее куртки – ему всегда нравилось, когда Валечка пахла духами, – и с неудовольствием отпрянул, потому что именно сегодня она забыла сбрызнуть себя туалетной водой. – Замерзла?

– Угу, – квело кивнула Валечка. – Вообще-то, Славичек, мог бы перенести нашу встречу, раз такие коврижки.

– Только давай без «Славичка», – поморщился Славик. – Знаешь же, что мне не нравится... А перенести не мог. Ну не знал я, зай, что задержусь... – Напустив на себя по-деловому обеспокоенный вид, Славик сделал паузу, которой позавидовала бы гениальная Джулия из моэмовского «Театра».

– Что-то случилось? – клюнула Валечка, мысленно отчитывая себя за упреки, которые, в сущности, и упреками-то сложно было назвать.

– А ты думаешь, я стал бы по пустякам тебя морозить? – насупился Славик.

– Конечно нет, – ретировалась Валечка и внимательно посмотрела на своего парня. – Может, расскажешь?

Изобразив колебание на своем красивом лице – могу ли я посвятить в столь тонкие материи женщину? – Славик вы-

давил:

– Ну... Если хочешь...

– Конечно, – с готовностью согласилась Валечка, целиком проглотив наживку.

От большинства людей Славика отличало то, что врал он всегда увлеченно. Можно даже сказать, вдохновенно. Талантливо врал. Если многие врут по необходимости, для выгоды, для достижения какой-либо цели, или (как это временами случалось с Валечкой) «во благо», то Славик относился к той породе людей, что врут ради самого процесса.

Нет, конечно же Славик, наш далеко не бескорыстный герой, пользовался своим «даром» и в тех ситуациях, когда просто требовалось соврать, и пользовался весьма успешно. Но в первую очередь он врал... для красоты. Его жизнь была бы катастрофически скучной и пресной, если бы в ней отсутствовала ложь. Та ложь, которая подчас раскрашивает картину мира всеми цветами радуги, но лишь для того, чтобы вскоре вновь вернуть это полотно в его первозданный серый цвет.

На этот раз Славик выдумал пьесу под названием *«Трудолюбивый менеджер»*.

Действующие лица:

Олег, менеджер по общению с клиентами.

Женя, системный администратор.

Федор Николаевич Акименко, генеральный директор фирмы «Фото-бомб».

Петр Евгеньевич Лизунков, важный клиент.

Место действия: фирма «Фото-бомб».

Итак, в *прологе* Славик, по своему обыкновению, задался вопросом, почему «Фото-бомб», фирма, в которой он вот уже три года занимает скромное место менеджера по продажам, так нуждается в его услугах. Разумеется (эти аргументы Славик не уставал приводить Валечке в качестве неоспоримого признания своих достоинств), потому, что он: ответственный, обязательный, исполнительный и, естественно (только ленивый в наше время не назовет себя этим магическим словом), креативный (или творческий, как хотите) человек. И если главная беда «Фото-бомба» заключается в его совершенно ничего не смыслящем, недалёковидном, закосневшем в своих представлениях о работе руководстве, то Славик изо всех сил стремится переломить данную ситуацию, однако частенько сталкивается с неодобрением не только со стороны начальства, но и со стороны менеджеров, безалаберных и ленивых, в отличие от него, Славика, сотрудников.

Вот и сегодня, как обычно, Славику пришлось бороться с несправедливостью и наводить порядок в фирме.

Действие первое

Сцена первая

Олег, ленивый коллега Славика, в очередной раз ушел на полдня раньше, чтобы лечить свой якобы больной зуб, совершенно позабыв о намечавшейся встрече с Петром Евге-

ньевичем Лизунковым, одним из старейших клиентов «Фото-бомба». Петр Евгеньевич и его журнал «Геолэнд» приносят «Фото-бомбу» едва ли не половину дохода, поскольку регулярно заказывают подарки для своих сотрудников, календарики, ручки, записные книжки, ну и прочие столь же необходимые для жизни журнала вещи.

Сцена вторая

В оправдание Олега можно сказать лишь то, что сисадмин Женья, с челом, отмеченным раздолбайством, лишил всю контору Интернета, а соответственно и электронной почты, из-за которой Олег не сумел прочесть письма, отправленного ему Лизунковым. Вспомнив о намечавшейся встрече, Олег позвонил Славику и попросил коллегу заглянуть в его, Олега, почту. Что Славик и сделал, к ужасу своему, обнаружив письмо, которое сообщало о неминуемом приезде Петра Евгеньевича Лизункова.

«Сходи к Феде...» – только и смог простонать Олег, тем самым переложив всю ответственность на ни в чем не повинного Славика.

Действие второе

Сцена первая

Из-за нерадивого Олега, прохлаждавшегося в стоматологическом кресле, Славику пришлось предстать пред светлые очи Федора Николаевича Акименко, который, как назло, оказался не в духе. «Что это вы тут мне устраиваете!» – возопил свирепый начальник, сверля несчастного Славика

своим ужасным взглядом. – «Какого хрена я должен решать вопросы с клиентами?! За что я зарплату плачу, вашу мать?! Уволю всех на хер!» И Славик, изрядно мотивированный заявлением Федора Николаевича и преисполненный корпоративного духа, вернулся на рабочее место с целью позвонить Олегу и донести до него начальственную волю и мотивацию.

Сцена вторая

Услышав про мотивацию, Олег, по всей видимости, решил и вовсе не выбираться из уютных покоев стоматологической клиники. Пробормотав в трубку что-то вроде «Мать твою, Славик, я ща сдохну, сам разберись», он погрузился в нирвану и повесил трубку. Славику – надежде и опоре «Фото-бомба» – ничего не оставалось, как набраться решимости и подготовиться к встрече с Петром Евгеньевичем Лизунковым.

Действие третье

(заключительное)

Возможно, наш трагический герой и не опоздал бы на свидание, но судьба в лице Петра Евгеньевича распорядилась иначе. Машина Лизункова, мчащаяся на полной скорости в сторону «Фото-бомба», столкнулась с другим автомобилем, и – увы... потерпела некоторые видоизменения, из-за которых сам Петр Евгеньевич не смог удостоить «Фото-бомб» своим визитом...

Эпилог

Славик, терпеливо ждавший Петра Евгеньевича на бое-

вом посту, был крайне ошарашен, когда узнал о происшедшем. С глубокой горечью в душе он ринулся на ВДНХ, где под дождем и ветром прогуливалась Валечка...

(Занавес)

– Какой ужас! – зажмурилась впечатлительная Валечка. – Он что – погиб?!

– Кто? – недоуменно уставился на нее Славик.

– Петр Евгеньевич?!

– Нет, зая, – утешил ее Славик. – С ним все в порядке. Относительно, конечно... Сотрясение мозга бедняга все-таки получил...

– Славичек... То есть Славик. – Расчувствовавшаяся Валечка готова была обвинить себя во всех смертных грехах, начиная с претензий к Славику, заканчивая разбитой машиной Лизункова. – Прости, что я тут на тебя... Мне и в голову не могло прийти...

– Ну что ты, – великодушно улыбнулся Славик, который уже и сам почти поверил в эту фантастическую историю. – Ты же не знала...

Звук – что-то среднее между кряканьем утки и хрустом ореховой скорлупы – прервал эту идиллическую сцену. Валечка вздрогнула.

– Это еще что?

– Вроде часы, – побледнел Славик и выпростал руку из-под рукава модной оливково-зеленой куртки. Стекло на часах треснуло, обнажив пульсирующие серебристые стрел-

ки. – Вот, блин, подсурипило...

– Они же новенькие? – удивилась Валечка.

Славик купил их совсем недавно. Он любил дорогие вещи, и часы были не из дешевых. Чтобы позволить себе такую роскошь, ему пришлось откладывать деньги несколько месяцев. После покупки Славик несколько дней любовался часами и всячески выставлял их напоказ, как хорошенькая невеста, которая вертит перед подругами обручальным колечком.

– Сам знаю, – огрызнулся Славик, разглядывая часы с таким неподдельным ужасом, словно в их треснувшем стекле, как в Кощеевом яйце, заключалась его жизнь.

– А гарантия есть?

– Есть. А что толку? Если б они сломались... А так скажут: сам виноват, разбил...

– А ты скажи как есть – стеклышко само треснуло...

Славик окинул Валечку взглядом, каким обыкновенно мужчины смотрят на блондинок, когда те пытаются рассуждать логически: сочувствующим и недоумевающим одновременно.

– Зай, скажи, ты правда думаешь, что мне поверят?

– Да... – стушевалась под его взглядом Валечка. – Наверное...

– Наверное! – передразнил ее Славик, все еще не смилившийся с несчастьем новеньких часов. – Хрена лысого мне там поверят! Ладно, проехали...

Валечка поскребла пальцем ободок обруча на голове и решила, что ее утешения вряд ли пойдут Славику впрок. Скорее, вся его злость на мир часов и часовых мастеров обрушится на ее ни в чем не повинную головушку. Оставалось только молчать и думать о том, что очередное свидание вылетело в трубу и, как серое облачко дыма, растворилось в холодном осеннем воздухе.

Валечка поежилась. О кафе нечего было и думать. К тому же, пока она ждала Славика, все кафе на выставочном центре успели закрыться. О прогулке тоже: после долгих скитаний под дождем и ветром у нее озябли ноги, руки и уши. Славику об этом не скажешь: «Шапку надо было надеть» – вот что он бы ответил, а Валечке хотелось услышать сейчас совершенно другое.

– Может, поедем ко мне? – робко предложила она Славику, который до сих пор сокрушенно пялил глаза на раздетый циферблат. – Возьмем пиццу...

Зная Славика, Валечка не сомневалась, что он откажется, и предложила это просто для того, чтобы хоть что-нибудь предложить. Поэтому удивлению ее не было границ, когда Славик – сама непредсказуемость – оторвал глаза от пульсирующих стрелок и кивнул:

– Поехали.

Вопреки Валечкиным ожиданиям, Ленки дома не было. На кухонном столе лежала записка, написанная с ошибками,

зато почти каллиграфическим почерком: *«Ночевать сто пудово небуду. Не еш пиццу – расстолстеешь. Чмоки-чмоки, Ленка».*

Улыбнувшись, Валечка спрятала записку в карман и сунула пиццу в микроволновку.

– А Ленка где? – нарисовался за ее спиной Славик.

– Она не придет. Наверное, пытается охмурить очередного банкира...

– Понятно, – буркнул Славик.

Валечке на секунду показалось, что он расстроился, но она не подала виду. Славик не терпел ревности и говорил, что это – пошло.

– А я пиццу грею... – попыталась она развеселить Славика. – Сейчас есть будем.

– Лучше б ты готовить научилась, – мрачно отозвался Славик, разглядывая их «роскошно» обставленную кухню: два растерзанных ящика на стене с вечно открывающимися дверцами, старенький холодильник с облупившейся краской и раковину, окрашенную в рыжий цвет ржавчины.

– Для кого? – вырвалось у Валечки. – Я хотела сказать, для себя – неинтересно, ты приезжаешь редко. А Ленка – на вечных диетах. Какой смысл?

– Смысл, смысл, – скривившись, передразнил ее Славик. – Вечно ты ищешь смысл. А в жизни вообще нет смысла. Никакого. Хотя, вру, есть. Бабла заработать побольше да свалить отсюда к едрене фене. Вот тебе и смысл.

Валечка считала по-другому, но спорить не стала. Какой смысл спорить с человеком, у которого совершенно иное мировоззрение? Который вряд ли ее поймет... И снова – смысл...

«А вдруг он прав, – подумала Валечка. – Я действительно ищу во всем смысл. Если бы не задавалась вопросом «зачем спорить?», вероятно, и поспорила бы...»

«И если жизнь твоя – шарада, задайся мыслью – почему?» – вспомнилось Валечке сегодняшнее приключение. Чудной старикашка, лотерея... Надо рассказать об этом Славику, может, хоть это его развеселит?

– Знаешь, со мной сегодня... – начала было Валечка, но Славик, словно не расслышав, снова запел старую песню про узколобое начальство и безалаберных коллег.

«Наверное, так оно и лучше, – подумала Валечка. – Пусть говорит о том, что ему интересно. А я послушаю, с меня не убудет...»

Пиццу Славик лопал в одиночестве. Ленкина записка сделала свое дело: Валечка захлебывалась слюной, но не съела ни кусочка. Лишние калории, жир, килограммы, полнота, одиночество... Внутренний голос подсказывал ей, что, если она потолстеет, Славик наверняка ее бросит. Во всяком случае, так считала Ленка. А Ленка со своим богатым опытом в области сильной половины человечества редко ошибалась.

– А ты чего не ешь? – поинтересовался Славик, когда на тарелке остался последний кусок.

– Я не ем после семи, – вымучила улыбку Валечка. – До-едай...

– Вам лишь бы на диетах сидеть. Ну ладно еще ты, – скользнул по ней взглядом Славик. – Но Ленка? У нее фигурка точеная, как у подростка. Она-то чего парится?

Валечка аж похолодела. Ладно она... Значит, пара съеденных на прошлой неделе чебуреков и шаурма все-таки не ускользнули от Славикова взгляда... Ну все – с этого дня ничего жирного, мучного и мясного... Только легкий салат, зеленый чай и кефир. «Господи, как я ненавижу зеленый чай и кефир!» И все-таки придется постараться... Чтобы больше не услышать это леденящее душу *«ладно еще ты»*...

– Не знаю, – пожала плечами Валечка, старательно изображая, что ужасное *«ладно ты»* ее не задело. – Сколько я с ней знакома, она вечно на диетах. Ни разу не видела, чтобы она что-то ела. Кроме сладкого. Все мои «презенты» с работы съедает она. Но ей как будто ничего... Наверное, потому что она все это утром ест.

– Настоящую красоту ничем не испортишь... – Славик мечтательно закатил глаза, а Валечка потерла пальцем ободок.

«Я-то уж точно не красавица, что тут скажешь... И все-таки обидно, когда при тебе на все лады расхваливают внешность твоей подруги... Зависть – отвратительное чувство», – осеклась Валечка.

– Да, Ленка – совершенно худенькая, как модель, – согла-

силась она, перебарывая злость на раздухарившегося Славика, чей маслянистый взгляд вперился в межвоздушное пространство, в котором, надо полагать, любовался худенькими формами воображаемой Ленки.

– Что за дурацкая привычка, – Славик перевел взгляд с воображаемой Ленки на Валечку, и маслянистость этого взгляда сменилась укором, – все время тереть этот дурацкий ободок? – Валечка, как воришка, которого застали на месте преступления, немедленно отдернула руку от головы и положила ее на стол. – И вообще, на фиг ты его носишь? И так волосы жирные, как собачья шерсть. Ты их хоть укладывала бы, что ли...

Лицо Валечки немедленно покрылось густым слоем румянца. Славик был прав – она ничего не могла сказать в свое оправдание. Волосы как сосульки. Каким шампунем ни мой. Валечка наивно полагала, что широкий черный ободок как нельзя лучше скрывает этот природный недостаток. Но, увы, ошибалась...

По части всяких ухищрений Славик был проницательнее любой женщины. Он умудрялся разглядеть все: начиная с неровно покрашенных глаз, заканчивая маленьким послеобеденным животиком, выпирающим на фоне обтягивающей кофточки. Впрочем, такие Валечка всегда надевала под свитер, а снимала только в экстренных случаях, вызванных невыносимой духотой...

– Я не люблю распущенных волос, – попыталась защи-

титься она, — они мне мешают...

— Мешают, — ласково передразнил ее Славик, сменив гнев на милость. — Ладно, пойдем, что ли, спать? Или телик еще поглядим...

Пока Славик валялся на несобранном с утра диване и глазел в телевизор, принимающий лишь три центральных канала, Валечка устроила внеплановую санкцию по приведению в порядок несчастных «сосулек». Скоро-наскоро вымыв голову, высушив волосы феном и надушившись любимыми Славиковыми духами, она накинула черный халатик и выскользнула из ванной, в надежде, что ее разлюбезный дождался ее возвращения и не успел задать храпака.

Как-никак, Валечка рассчитывала этой ночью не только поспать и посмотреть телевизор...

Секс в ее жизни был до того призрачным явлением, что Валечка сама уже не помнила, когда они занимались этим со Славиком в последний раз.

На съемную квартиру он приезжал по большим праздникам, а к себе Валечку не возил. Отговаривался тем, что он, как любой настоящий мужик, не терпит, когда атмосфера его холостяцкого жилья нарушается женским вторжением. «Ну ты пойми, Валечка, — объяснял он девушке, которая вовсе не собиралась навязываться, — съездишь ко мне раз, потом — два, а потом переедешь. И буду я себя чувствовать женатым мужиком. А к женитьбе я, извини-подвинься, еще не готов».

Между тем на женитьбе, которой так боялся Славик,

Валечка не настаивала. Мало того, хоть это и покажется странным – ведь все женщины мечтают, чтобы какой-нибудь принц... или вовсе не принц, а мачо, или вовсе и не мачо, а провинциальный увалень с замашками столичного тусовщика, непременно возьмет их в жены, – Валечка даже и не думала о браке. Представить себя женой Славика, а уж тем более матерью его детей она не могла, как ни старалась.

Эти мысли, невзирая на заявление Славика о том, что до тридцати он убежденный холостяк, удивляли ее саму. Если она любит этого мужчину – а как же по-другому, ведь она встречается с ним уже несколько лет! к тому же это ее первый мужчина! – то, по логике вещей, *должна* хотеть за него замуж. Но Валечка не хотела. Не видела в этом смысла. И от этого чувствовала себя гораздо хуже, еще хуже, чем если бы хотела, но ее желанием пренебрегли...

На диване Славика не оказалось. На кухне – тоже. Ни в туалете, ни в ванной, ни – странная причуда искать его там – в Ленкиной комнате.

«Ушел... – У Валечки аж в висках застучало. – Посмотрел на мои жуткие волосы, на стремную фигуру – и сбежал... Господи, да неужто я так страшна, что можно смыться от меня прямо из постели?!»

Но Валечкины страхи быстро рассеялись – входная дверь хлопнула, и на пороге квартиры появился Славик. Его позабавило испуганное выражение, застывшее на Валечкином лице.

– Испугалась, что ли, зай?

– Я подумала, ты ушел... – скомканно пролепетала Валечка. – А где ты был? Звонил? – спросила она, заметив мобильник, который Славик вертел в своих наманикюренных ручках.

– Нет, мне позвонили. Решил выйти, покурить заодно...

– А-а, – кивнула Валечка, чувствуя несказанное облегчение оттого, что Славик не сбежал в ночи, ужаснувшись ее волосам и фигуре. – А кто звонил?

Славик нахмурился. Валечка прикусила язык, в душе ругая себя за бестактность. Славик не терпел допросов, а злить его перед «ночью любви» Валечке было страшно.

– Олег звонил, – неожиданно прояснил Славик. – Спрашивал, чего с Лизунковым. Ты б слышала, как он сокрушался! Неудивительно, такое пропустить...

Валечка пожала плечами:

– Я бы даже порадовалась. В смысле, если бы пропустила. Авария... травма... Жутенько как-то, аж мурашки по коже.

– Ты бы, может, порадовалась, – пренебрежительно хмыкнул Славик. – Ты, Валечка, вообще дамочка... впечатлительная.

Откуда этот тон? И кому это мешает, кроме нее самой?

– Так что этот Олег тебе сказал?..

Славик нервно сжал телефон, но отвечать ему не пришлось. В комнате, судя по близости донесшегося звука Валечкиной, что-то свалилось. И судя по качеству звука, не

просто свалилось, а разбилось.

– Это что? – полушепотом спросил Славик.

– Да не знаю я...

Валечка заглянула в комнату с такой осторожностью, словно в ней мог притаиться грабитель, пробравшийся в дом по пожарной лестнице.

На полу, среди брызг мелкого стекла валялись остатки ее любимой вазы. Осколок верха, осколок дна, осколок с красивым рисунком в виде произвольно изогнутой стрелы... Валечка чуть не заплакала от досады, но сдержалась – Славик не бросится ее утешать, зато настроение она ему окончательно испортит.

– Славичек... – тихо позвала она. – Принеси совок и ве-
ник. На кухне. В шкафчике под раковиной.

– Ну чего там у тебя?

– Да так, ерунда, ваза разбилась...

Сметая в совок прозрачно-зеленые капли того, что еще недавно называлось вазой, Валечка вспомнила день ее покупки.

Славик первый раз – и тогда казалось, что не последний, – подарил ей цветы. Было вроде бы Восьмое марта... Валечка, раскрасневшаяся от счастья, легкая и воздушная, как пирожное безе, немедленно понеслась, точнее, полетела за вазой, которой у нее никогда не было. Ее звездно-воздушное настроение не ускользнуло даже от глаз продавщицы, немолодой уже женщины с глазами цвета усталости и унылыми

морщинами возле губ. Глядя на цветущую Валечкину улыбку, она усмехнулась и сказала... Что же она тогда сказала? Что-то вроде: «Ты не думай, милая, это ненадолго. Сначала – цветы, потом – носки, а конец один – дай развод, женюсь на молоденькой». Валечка, впечатлительная Валечка, тут же потеряла свою легкость и шлепнулась, как тот самый зефир со стола прямо на грязный пол. Настроение было испорчено, а Славик больше никогда не дарил ей цветов. Но вазу она продолжала любить, вероятно, оттого, что видела в ней символ несбыточной мечты о счастье...

Ссыпав осколки в мусорное ведро, Валечка хлопнула дверцей шкафа и только сейчас спросила себя: как ваза могла свалиться с полки? Стояла она недалеко от края и без чужого вмешательства не упала бы... Но в комнате-то никого не было... Мистика какая-то...

Валечка хотела поделиться своими сомнениями со Славиком, но, вернувшись в комнату, поняла, что планам на сегодняшнюю ночь не суждено сбыться: Славик, уткнувшись носом в бледно-зеленую подушку, мерно сопел, не подозревая о том, что Валечка еще два часа просидит на кухне в компании первой за три года сигареты, нагло утащенной из кармана его модных брюк...

Прошу прощения, мой уважаемый читатель, за то, что я оставила нашу героиню в столь печальном состоянии души и закончила главу на столь безнадежной ноте.

Я бы с радостью поведала о том, как наша впечатлительная героиня все-таки добралась до кровати, где почивал ее невразумительный молодой человек, отдалась объятиям Морфея, а с утра проснулась в чудеснейшем настроении. Но, увы, мои личные обстоятельства – если не считать того, что в чудесном настроении впечатлительная Валечка так и не проснулась, – не позволили мне этого сделать.

Уж не знаю, вправе ли я писать о моих мелочных проблемах, когда мой дорогой друг с нетерпением ждет продолжения нашей правдивой истории, – но в то время как я увлеченно описывала удрученную Валечку Степанову, домой вернулся мой дорогой и горячо любимый сын, а кошка Люсинда, заслышав звук хлопнувшей двери, спрыгнула с моих колен, и – о, ужас! – я пролила кофе на клавиатуру ноутбука (который, кстати, подарил мне сын, сменив им мою старую добрую и такую привычную пишущую машинку).

Честно говоря, втайне я даже обрадовалась. Но отнюдь не тому, что испортила столь дорогостоящий подарок, и не тому, что мой дорогой читатель не дожидется продолжения нашей истории. Обрадовалась же я тому, что теперь вернусь (без лишних вопросов, которыми бы меня непременно засыпали домашние, без объяснений, что мне привычнее моя старая коллега с потертыми клавишами) к своей пишущей машинке. Но мечты мои так и остались мечтами, а мои пальцы недолго предвкушали милые тяжелые клавиши, с треском обрушивающиеся под их напором. Мой сын, скоро-на-

скоро разобрал залитый ноутбук, «утешил» меня тем, что по гарантии его сделают быстро и я даже не успею по нему соскучиться...

Скучать мне не пришлось, поскольку одна из моих многочисленных подруг – тех, что страшно любят спрашивать советы и никогда им не следуют, – зашла ко мне на чашечку ароматного чая и поделилась со мной своими неприятностями. В связи с ее проблемами я сразу же вспомнила одну девушку, которая еще будет упомянута в нашей истории. И потому, мой уважаемый читатель, я ненадолго отвлеку тебя рассказом о злоключениях своей подруги (назовем ее Екатериной Михайловной, или просто Катенькой).

Все дело в том, что сын подруги, как и мой Женя, – домосед, общающийся преимущественно с компьютерами, говорящий на непонятном языке, сотканном из загадочных слов типа «юзер», «ламер», «бага», «фича» и прочих неизвестных нам с Катенькой понятий, хранящий в уборной удивительный журнал, напичканный историями о всякой мудреной современной технике, – привел домой девушку.

Сказать, что для Катеньки само появление девушки в гостях у сына вызвало удивление, – не сказать ничего, потому что ее заикленный на компьютерных программах отпрыск всегда казался ей настолько далеким от всего земного, что она уже перестала питать иллюзии насчет того, что Андрюшенька когда-нибудь женится и тем более обзаведется потомством.

Однако вместо того чтобы радоваться, моя подруга серьезно насторожилась. Девушка не понравилась ей с первого взгляда. Катенька заприметила в ее глазах что-то волчье, хищническое и, что вполне естественно для чувствительной материнской души, испугалась за судьбу своего Андрюши, совершенно оторванного от реальной жизни.

К сожалению, Катеньке ничего не удалось узнать о Юлечке или Светочке (она так и не запомнила, как зовут избранницу ее отпрыска). Отужинав, ее дорогой Андрюшенька быстро вытащил девушку из-за стола и увел ее в комнату, чтобы похвастаться какой-то новой программой, которую он «хакнул» (кажется, на сленге программистов это означает попросту «украл») из Всемирной паутины.

Катенька сообщила мне, что не слишком удивится, если эта Юлечка-Светочка окажется родом из какой-нибудь Пензы или Тюмени и приехала на кастинг ныне популярного шоу «Дом-2», поскольку во всех манерах этой девушки, по словам моей интеллигентной подруги, сквозил «гнилой душок провинциальности»... Материнское чутье подсказывало Катеньке, что от ее беспечного отпрыска этой девушке нужно нечто куда более материальное, нежели полагает сам Андрюшенька.

Я посоветовала Катеньке не горячиться, не делать преждевременных выводов и – упаси бог! – не давить на сына. Ведь он может уподобиться тем молодым упрямам, что будут действовать вопреки своим интересам, лишь бы поспо-

ритель с родителями, разумеется всегда неправыми... В конце концов, сказала я Катеньке, далеко не все приезжие девушки встречаются с москвичами из одних только материальных соображений. Увы, судя по выражению лица подружки, ее это нисколько не убедило, и я подозреваю, что она так и не воспользуется моим советом; напротив, будет пилить Андрюшеньку за его «скверный вкус», чем добьется лишь обратного эффекта.

Вот и пойми этих родителей! Еще несколько дней назад Катенька приходила ко мне с жалобами на то, что ее дорогой сынок не встречается ни с кем, кроме своих виртуальных друзей...

Но я, как обычно, отвлеклась, а мой дорогой читатель уже, наверное, позевывает над книгой и пьет кофе, чтобы окончательно не уснуть. Что ж, я постараюсь сделать все, чтобы вновь вернуть его в бодрое расположение духа...

Глава 3

Уильям Шекспир и пельмени с сыром

История любви к пельменям уходила корнями в самое раннее Костиково детство.

Только тогда пельмени готовила мама, и готовила их вручную, то есть со всеми хлопотами, идущими в комплекте с пельменями: раскатыванием теста, вырезанием (с помощью перевернутого бокала и ножа) ровненьких беленьких, запорошенных мукой кружочков, укладыванием в них фарша (тоже, прошу заметить, изготовленного собственными руками) и прочей, на взгляд вечно спешащих современных людей, бесполезной и бессмысленной тратой времени.

А еще в маминых пельменях был, как нынче говорят, «бонус» – счастливый пельмень. Мама засыпала в него горошинки перца, заворачивала так же, как самый обычный пельмень, и заботливо укладывала рядом с остальными близнецами-братьями. Но этот отличался от прочих близнецов именно тем, что был счастливым. Кому он попадется – тот может загадать желание. И желание, как говорила (и совсем не обязательно думала) мама, непременно должно исполниться.

Когда настали суровые времена студенчества, вечно от-

сутствия денег и ночевки в общажных комнатах приятелей, Костику было уже не до баловства домашними пельменями. Пельмени покупались самые дешевые, а точнее, дешевле, из самых дешевых, и, уж конечно, в пачке этих студенческих пельменей не попадалось ни одного счастливого.

Счастье, правда, существовало само по себе. Казалось, что все дороги открыты, что впереди бесконечная и прекрасная в своем непостоянстве жизнь, что верные студенческие друзья никогда не бросят, лишнего не спросят, как поется в известной песенке, что любимая никогда не оставит, потому что любовь – чувство непроходящее, и много других разных «что», которые так свойственны нам в юности, но которые, увы, испаряются, едва эта легкокрылая дива оставляет нас навсегда.

И все же безвозвратно ушедшее детство, а с ним и юность не отвалили Костика от дорогих его сердцу пельменей. Напротив, чтобы сделать это блюдо еще более желанным и аппетитным, Костик придумал новый рецепт: пельмени с сыром.

По студенческой привычке (или в силу отсутствия желания постичь тайны поваренной книги) Костик готовил покупные пельмени в кастрюльке, осторожно вынимал их ложечкой (по одному!), методично выкладывал на заранее подготовленную тарелку (увы, без голубой каемки) и... – внимание, здесь начинается самое главное!.. – посыпал их заранее же натертым сыром. Далее Костик накрывал пельмени

другой глубокой тарелкой и, усилием воли подавляя желание тут же наброситься на милое сердцу (и, разумеется, желудку) блюдо, дожидался, когда истекут положенные три минуты.

Костик не был педантом, не был он и маниакально пунктуальным: он мог опоздать на работу, мог плюнуть на все дела, забыть о последнем поезде метро и растерянно стоять у закрывающегося ларька с пивом, но! он ждал ровно три минуты – ни минутой больше или меньше, – прежде чем приступить к таинству поедания пельменей.

В «Голодном Колобке» о Костиковой глубокой привязанности знали не понаслышке. Молодой человек, каждый день настойчиво спрашивающий, не подают ли в этом заведении «пельменей с сыром», убедил-таки местного повара в том, что это блюдо просто обязано разнообразить меню закусочной. Теперь не только Костику, но и всем посетителям «Колобка», заказывающим пельмени, непременно задавался вопрос: «Вам с сыром или без?» – «А что, есть с сыром?» – интересовались изумленные посетители и, за редким исключением, соглашались попробовать это диковинное блюдо.

Сегодня мир казался Костику совершенно серым, лишенным красок. Так что даже пельменей не хотелось. Но укоренившаяся за последние три месяца привычка все равно заставила его, вышедшего из офиса, свернуть влево, а не вправо и поплестись, а не бодро зашагать в сторону выставочного центра.

Поначалу Костик даже рассердился на себя за предсказуемость, но вскоре в голове у него сложилась чудненькая программа сегодняшнего вечера: вначале – традиционные пельмени в «Колобке», а потом – «сливовая заманиха» в «Чаше Хайяма», местном дегустационном зале, где Костик частенько «утолял свои печали».

Конечно, «Чаша Хайяма» – перебор во всех отношениях. Такую роскошь Костик мог позволить себе только в благодсловенную пятницу, когда клятая рабочая неделя оставалась позади вместе со всеми ее офисами, ненавистными офисными рожами, начальством, полуначальством, сверхначальством и прочей начальственной иерархией, а также мерзкой толкотней в налоговых, бумажками для нотариусов и всей этой пустой курьерско-офисной жизнью.

И хотя была вовсе не пятница, а всего-навсего четверг, Костик, повинувшись невнятному шевелению души, настойчиво требующей праздника, решил плюнуть на клятое начальство и его завтрашний бухтеж по поводу его, Костикова, перегара. К тому же, не без помощи менеджера Лилечки – единственного светлого проблеска во всей начальственной команде, – сегодня он освободился гораздо раньше обычного.

Больше всего Костик негодовал по поводу Пал Саныча, директора фирмы, который постоянно изводил его своей любимой фразой: «Ну чё ты, Костик, а еще филолух...» Пал Саныч, как истинный руководитель, полагал, что на рабо-

те Костик обязан думать только о деловых бумагах, печатях, штампах и налоговых, короче, «трудиться, не глядя в небо». А Костик не мог не глядеть в небо. Он просто этого не умел.

«И все-таки из-за чего цепляется ко мне Пал Саныч?» – рассуждал дорогой Костик.

А все из-за того, что сам Пал Саныч заиклен на своей карьере, как сторожевая собака на доме, который ее с детства пинками и побоями выучили охранять. Какие уж тут посторонние мысли, когда только тебе и воли, что сидеть на цепи и дальше этой цепи – никуда. Если только-то тебе и внушили: кто на коне – тот чувила, которому «респект и уважуха», а кто под конем – тот «лох ушастый». И что тут делать, как тут быть Пал Санычу, когда на пятом десятке он все еще директор маленькой фирмы, а бери его мерками – тот самый «ушастый лох»... И как тут не злиться, как не выходить из себя, когда на бумажке – будь она четыре сотни раз второстепенная и на фиг никому не нужная – недостает одного штампика? Как не бранить своего несмышленного, невнимательного, озабоченного чем угодно, только не штампиком, курьера Кос тика?

Казалось бы, пожалуй надо Пал Саныча. Но пожалуй Костик не мог. Впрочем, он и пожалел бы, если бы Пал Саныч был один такой. Но пал санычей, этих «глаженных шнурков» с амбициями выше Эйфелевой башни, как показывала практика, пруд пруди. А вот Костики, «лохов ушастых», гуманитариев-курьеров, еще поискать... Ну и как тут жалеть Пал

Саныча?

С такими невеселыми мыслями Костик проглотил тарелку пельменей, вышел из «Колобка» и, потратив буквально пять минут вовсе не драгоценного времени, оказался в «Чаше Хайяма», где его ожидала местная анестезия в виде «Сливовой заманихи», так заманчиво бултыхавшейся на дне вполне цивильненького, хоть и стеклянного, бокальчика.

На первых тридцати эмэль Костик, естественно, не остановился. Не остановился он и тогда, когда утонули в «заманихе» и истошные вопли Пал Саныча, когда вспомнилась первая студенческая любовь, обвинившая его в инфантильности, когда вспомнилась вторая, уже не студенческая, кинувшая его ради какого-то «глаженного шнурка», гордо потрясавшего перед ней костюмами от «Наф-наф», «Ниф-ниф» или «Нуф-нуф» – Костик уже не помнил...

Остановиться пришлось, когда «Чаша Хайяма» притихла, как спящая кошка, и улыбчивый бармен улыбочиво сообщил осовевшему Костику, что *дегустационный зал*, а в скобках, под улыбкой, – *не распивочная!* – заканчивает свою работу.

Костик уныло кивнул улыбчивому бармену, натянул куртку и вышел на свежий воздух. На воздухе оказалось сыро, как в ущелье, где обитал знаменитый горьковский Уж, и Костик почувствовал, что вопреки собственным ожиданиям совершенно не трезвеет. Этот факт, впрочем, его даже обрадовал: в такую мерзостную погоду да еще с таким мерзостным

настроением трезветь не хотелось. К тому же денег на «догонку» не осталось – Костик слишком нескромно посидел в «Хайяме», и можно было только надеяться, что презренного металла хватит на дорогу. Что Костик и поспешил проверить, запихнув руку в карман куртки.

В подкладке явственно прощупывалась дырка, но это не очень-то удивило Костика. Просунув пальцы под подкладку, он обрел утешение: в недрах куртки лежали какие-то бумажки, а еще оттуда доносилось приятное позвякивание мелочи.

Поднатужившись, Костик добрался до дна куртки и выудил ее содержимое на свет божий. Стольник и тридцатка мелочью – совсем неплохо, особенно если учесть, что в «Хайяме» он разошелся не по средствам.

Костик побрел по направлению к арке, но тут заприметил дамочку, которая тщетно пыталась перетащить свою тележку через бортик.

– Девушка! – окликнул он нечто в огромной оранжевой шапке – ну и мода пошла! – Помощь не требуется?!

Оранжевая шапка обернулась. Костик напряг залитый «заманихой» взор и увидел, что его «прекрасная незнакомка» смахивает больше на старушку или даже старичка, одетого в еще более нелепый, чем шапка, фиолетовый плащ.

– Извините, – смущенно пробормотал Костик, тушуясь под насмешливым стариковским взглядом. – Перепутал... Может, я все-таки на что-то сгожусь?

– Сгодишься, сынок, очень даже сгодишься, – ехидно за-

кивал старикан. – Поди-ка помоги с тележкой. Спина меня совсем одолела... Старость – не радость... А раньше, бывало, весь божий день на ногах – и хоть бы что... Пока доковыляешь, глядишь, все электрички уйдут. И не доеду я ни до какого Плюхина, придется на вокзале ночевать...

– Плюхино? – переспросил Костик. – Вот Выхино я знаю, а Плюхино – нет.

– Тебе и незачем, – добродушно улыбнулся старикан, а Костик пожал плечами и взялся за тележку.

Тележка оказалась не менее странной, чем сам старикан: на причудливой конструкции, спаянной, как видно, из всего, что нашлось в доме или на даче, красовалась стеклянная колба, напичканная разноцветными бумажками.

– Это у вас что? – поинтересовался Костик, приподнимая на удивление легкую тележку.

– Все вам скажи да Расскажи... – беззлобно пробурчал старикан.

– Вы – лотерейщик, – осенило Костика, когда тележка была благополучно поставлена на ровный асфальт. – А это – билетики...

– Догадливый.

– И как выручка?

– Выручка-то грошовая, – подмигнул старикан Костику. – Только, как говорится, мал золотник, да дорог...

– В каком это смысле?

– Подрастешь – поймешь, – снова подмигнул старикан.

Сейчас, при свете фонаря, Костик заметил, что время не тронуло старикановы глаза: они были яркими и удивительно осмысленными, хотя выглядел обладатель чудной оранжевой шапки на все восемьдесят лет...

– Да я вроде уже не младенец, – ответил Костик, разглядывая своего странного собеседника.

– Эх вы, молодежь... – ухмыльнулся старикан. – Книжки небось так же читаете... Между строк-то небось ничего не видите...

– Неправда, – обиделся Костик. – Не на того напали. Меня пять лет в институте учили между строк читать. Правда, потом выяснилось, что вся эта премудрость на фиг никому не нужна.

– Как так – никому? А тебе?

– Мне? – Костик так много и часто раздумывал над этим вопросом, что даже помедлил с ответом. – Сложный вообще-то вопрос. Иногда мне кажется, что без этого я жить бы не смог. А иногда – что полным идиотизмом было тратить на это время... Пять лет – и все впустую. Шекспир, Гофман, Маркес – и что? На побегушках, бумажки развожу... А мог бы в поварское пойти – и получал, как люди...

– И кто тебе сейчас мешает? – поинтересовался старичок, внимательно слушавший Костика.

– Мешает – что?

– Получать, как люди? Уж точно небось не Маркес и не Гофман твои...

– Ну... не знаю, – сдался Костик. – Характер, наверное. Да даже и не в деньгах дело. Места я себе не найду, вот что. С таким характером, да еще с таким образованием...

– Да, дела... – как-то уж очень противно улыбнулся старикан. – Осталось завернуться в простыню и на кладбище ползти... Так?

– Не так! – разозлился Костик. Он и сам не понял, на кого злиться: то ли на старикана, который с чего-то возомнил себя доктором Курпатовым, то ли на самого себя, что начал с незнакомцем беседовать «о сферах». – Так оно или не так – судить-то не вам. Вы меня в первый раз видите. А рассуждаете так, как будто подгузники мне меняли.

– Да я ж тебя не осуждаю, – покачал головой старикан, – я ж просто рассуждаю. Ты же, как его... гуманитарий. Разницу-то должен чувствовать...

– Да не тычьте вы мне моим образованием, – вспылил Костик. – Все я понимаю. И знаете что? Мне от этого не легче, тяжелее только. Если бы не понимал – в сто раз лучше было бы. Понимал бы, как все: нет денег – надо работать, депрессия у тебя – надо работать, само пройдет. А получил крутую должность – так вообще все шито-крыто. Никаких тебе там депрессий... разве из-за того, что дела пошли плохо... никакого тебе самобичевания... Знаете, дедуля, как бы я обрадовался, если бы все у меня было, как у моего соседа: повысят в должности – заработаю денег, заработаю денег – куплю тачку, куплю тачку – меньше времени на дорогу потра-

чу, а значит – еще больше заработаю... Продолжать надо? – Старикан задумчиво покачал головой. – Вот и я думаю, что нет. Чего тут продолжать, когда все и так понятно. Другой я человек, понимаете? Другой. И от этого мне сложнее, чем остальным...

– Угу, – кивнул старикан. – Только к чему ты Шекспира сюда приплел?

– Да ну вас, – махнул рукой Костик. – Мудрый вроде бы человек... Это же общеизвестный факт: меньше знаешь – крепче спишь. Замените «знаешь» на «читаешь», и будет очень даже похоже...

– Угу, – кивнул старикан. – Понял, не идиот. Сыграть хочешь?

– Во что? – вытаращился на старикана Костик.

– Во что, во что... В лото! В лотерею, конечно.

– Вообще-то я эти дела не люблю, – признался Костик. – Я по жизни невезучий. Играл пару раз. Все, что выиграл, тут же проиграл обратно. Больше не рискую.

– Ох, рассудительный... Твою бы рассудительность – да к нужному месту. Да не рискнешь ты ничем, не боись. Я даже денег с тебя брать не стану.

– Ну уж нет, мне халява за чужой счет тоже не нужна, – решительно отверг предложение Костик. – Хотя я, пожалуй, пойду. Завтра снова на работу клятую. Выспаться надо.

– Да ладно тебе – выспаться, – хихикнул старикан. – Небось была бы еще сотня – взял бы пивка, и гори оно, твое

завтра, синим пламенем.

Костик даже покраснел. Старикан знает его всего несколько минут, а как в воду глядит. Про завтра сказал так, будто и впрямь Костик для него – вовсе никакая не тайна за семью печатями.

– Хорошо, будь по-вашему, – согласился Костик. – Что мне делать надо? Просто бумажку достать?

– Давай, догадливый, доставай. Что вытянешь – то и случится...

Костик, не раздумывая, вытащил синюю. В конце концов, любимый цвет – вдруг и впрямь повезет... Краткий миг надежды длился недолго. Пока Костик разворачивал бумажку, скрученную, словно нарочно для того, чтобы, как в школе, прицепить ее к резинке и выстрелить в неприятного одноклассника, надежда ускользнула, как рыбка в мутной воде.

Какой уж там повезет? Никогда не везло, и вдруг на тебе – счастье? Так не бывает. А если уж и бывает, то точно не у Костика.

Развернув бумажку, Костик не обнаружил ни выигрыша, ни проигрыша. Как будто этот жеваный билетик вообще не ставил своей целью дать кому-то возможность выиграть или проиграть. На синей измятой бумажке красовалось четверостишие:

Ты бесполезен или нет?

Зачем живешь? Куда идешь?

Мой друг, получишь ты ответ,
Когда однажды... пропадешь.

У Костика «в зобу дыханье сперло», правда, вовсе не от радости. Охваченный каким-то невнятным чувством, он поднял глаза, чтобы задать невнятный же вопрос старикану, который навязал ему эту уму непостижимую лотерею. Но в ярком свете фонаря мелькали только крошечные дождевые капли, знать не знающие и ведать не ведающие о старикане, так глупо подшутившем над Костиком...

Глава 4

Девушка для Костика

Утро началось как обычно – перебравший накануне Костик даже похмелья особого не заметил. На этот раз вместо пельменей от приготовил яичницу с остатками усохшей колбасы, в недельном прошлом – сервелата, а вместо чая – пакетик кофе «три в одном», потому что чай попросту закончился. Натянув свою любимую и единственную куртку, за которую Костиков друг Олежка прозвал его «человеком-пауком» (куртка была синей с красными квадратами на рукавах и карманах), Костик выскочил в среду обитания местных бездомных кошек, то есть в подъезд.

Улица тоже казалась обычной: не слишком шумной, но и не очень тихой. По улице шли молчаливые люди, погруженные в свои мысли и не имеющие ничего общего с мыслями Костика. Он любовался солнечным – впервые за целую неделю – днем и вспоминал почему-то радугу в декабре девяносто девятого или двухтысячного года, которую вот так же, как это внезапное солнце, никто не хотел замечать. Костик шел тогда по улице чуть ли не вприпрыжку, как мальчишка, глупо скалился такой неожиданной зимней радуге и задавался вопросом, почему никто, кроме него, этой радуги не видит...

Но, увы, судьба (или случай?) распорядилась так, что радужное во всех отношениях настроение Костика было испорчено наглým вторжением соседа по лестничной клетке – Вити Горчакова, гордо восседавшего в своей новенькой «тойоте» не то «корове», не то «королле» (Костик совершенно не разбирался в машинах и, хотя Витя Горчаков не раз и не два упоминал название марки, оно все равно стерлось из Костиновой памяти). И ладно бы, что Витя Горчаков гордо восседал в своей машине, которую наконец-то купил после очередного продвижения по службе. И ладно бы, что Витя Горчаков всем соседям, не исключая Костика, успел изрядно поднадоесть рассказами о машине, своем повышении и советами, как нужно правильно вести себя, чтобы стать таким же «глаженным шнурком». Все это было ерундой и сущими мелочами по сравнению с тем, что сейчас Витя Горчаков ехал прямо на Костика и словно даже не замечал последнего.

– Витька! Горчаков! – крикнул Костик, заподозрив, что его сосед провел бессонную ночь за кипой счетов – или чем там он занимается в банке? – и теперь попросту уснул за рулем. – Ты чего – заснул?! Смотри, куда едешь!

Но Витька не откликался. Он ехал прямо на Костика, словно никакой Костик на дороге не стоял, а перед Витькой расстилалась пустая серая лента асфальта. Отступить было поздно – свои драгоценные секунды Костик истратил на то, чтобы разбудить спящего Витьку.

«Тойота» надвигалась на Костика, как грозовая туча. Пе-

репуганный Костик качнулся вправо, потом влево, потом подумал почему-то о пачке пельменей, лежащих в морозилке, а уж потом, в состоянии совершеннейшего отчаяния, сам не зная зачем, подпрыгнул, да так высоко, как не прыгал на уроках физкультуры, в школьные времена, когда учитель называл его «лентяищем» за редкое для мальчишки нежелание заниматься спортом.

«Тойота» тормознула удивительно мягко – Костик почти не почувствовал удара. Только, можно сказать, ласковое прикосновение бампера, от которого у Костика поднялись дыбом все волоски на теле. Он все еще не верил в то, что Витька Горчаков оставил его в живых, и стоял, изумленно хлопая глазами, не в силах даже обрадоваться своему «второму рождению».

– Костик! Мать твою! Псих гребаный! Куда лезешь?! Откуда ты вообще взялся! – посыпалось на Костика из «тойоты». Если бы Костик соображал чуть лучше, он, наверное, сильно бы удивился тому, что Витя Горчаков обвиняет его, вместо того чтобы перед ним, Костином, извиниться.

Обладатель новенькой «тойоты» и визгливого голоса не замедлил вылезти из машины.

Костик, который потихоньку начал приходить в себя, заметил, что телячьи Витькины глаза вылупились на пол-лица и смотрят на него с нескрываемой ненавистью. Костику почему-то подумалось – хоть нехорошо было даже думать о таком, – что Витька так злится вовсе не из-за того, что чуть не

отправил на тот свет соседа, и даже не из-за того, что сам бы мог отправиться за это в места не столь отдаленные. А злится Витька потому, что если бы он, не дай-то бог, сбил Костика, то бампер его новенькой «тойоты» мог бы и помяться...

– Знаешь, Костик, – откричавшись, уже куда спокойнее заметил Витька. – Я, конечно, знал, что ты – придурок, но не думал, что всем придуркам придурок. Решил покончить с собой – вали куда-нибудь подальше. И незачем в это знакомых впутывать.

– Вить, ты о чем? – выдавил из себя ошеломленный Костик. – Я тебе вообще-то кричал. А ты ехал, как ни в чем не бывало, прямо на меня. И кто на кого орать должен?

– Точно – псих, – покачал головой Витя Горчаков.

– Может, я, конечно, и псих, – завелся Костик. – Только ты уж точно – не доктор. Вместо того чтобы диагнозы ставить, смотрел бы лучше, куда едешь...

– Приду-урок... – снова покачал головой Горчаков и, окончательно убедившись в самолично поставленном диагнозе, нырнул в «тойоту», на которой – о, радость! – не осталось ни царапинки.

Костик, от греха подальше, поднялся на тротуар и долго глядел вслед отъезжающему соседу.

А ведь правду говорят, что утро добрым не бывает. Как видно, даже утро пятницы.

Еще с вечера Пал Саныч сунул Костику какие-то подозри-

тельные бумажки и убедительно – дар убеждения Пал Саныча выражался в умении зычно крикнуть и присовокупить к крику едкое словцо или выражение – потребовал, чтобы Костик отвез эти бумажки кому следует, непременно дождался того, кого следует, и обязательно отдал тому, кому следует, какой следует конвертик.

В конвертике, как подозревал Костик, лежали деньги. На бумажках требовалось поставить несколько печатей. Если бы Костик был чуть более сообразительным или чуть более заинтересованным во всех тонкостях консалтингового дела, то знал бы, что за бумажки и что за конвертик покоятся на дне его рюкзака. Но все это интересовало Костика приблизительно так же, как Пал Саныча композиционные особенности романа Лермонтова «Герой нашего времени».

Поэтому Костик радовался тому, что не придется заезжать в офис с самого утра, а значит, вечно краснеющая – то ли из-за лопнувших сосудов, то ли из-за чрезмерных волнений – физиономия Пал Саныча предстанет перед ним не раньше чем в полдень.

Нотариальная контора, куда спешил отвезти бумаги Костик, располагалась на «Белорусской». Костик терпеть не мог контору, как, впрочем, и все, что было связано с его работой.

Костика бесила ее многолюдность, вечное скопление народа возле кабинета нотариуса: люди сидели на стульях, толпились в проходах, и у всех были такие лица, как будто вот-

вот случится несанкционированное светопреставление. Когда выходил нотариус – молодой мужчина с черной сатанинской бородкой и отрешенным от мирских проблем взглядом, – в дружных рядах ожидающих просыпался какой-то священный трепет. Казалось, по узкому проходу, утыканному людьми, как зубочистками, шествует некто, причисленный к лику святых. Это оживление бесило Костика больше всего. Сам он никогда не смотрел на это явление нотариуса народу и продолжал читать книгу, которая скрашивала ему неприятные минуты, а то и часы ожидания.

Сегодня в конторе не было обычного столпотворения, и Костику удалось даже усесться на свободный стул. На соседнем стуле сидела элегантная шатенка в соблазнительном мини и куртке, отороченной мехом чернубурки.

«Дождь же, – подумал Костик, стаскивая со спины рюкзак, – а она меха нацепила...» Шатенка даже не посмотрела в его сторону, только поправила длинными ухоженными пальцами прядь, сбившуюся на лоб. – И чего на меня смотреть-то, – усмехнулся про себя Костик, – я же – не нотариус...»

Он вытащил из рюкзака «Успех» – роман обожаемого им Эмиса, – но стоило ему прочесть несколько строчек, как перед его носом замаячил чей-то зад.

Зад маячил так настойчиво, что Костик просто вынужден был поднять голову. И даже не успел удивиться, как этот самый зад плюхнулся к нему на колени, прямо на эмисовский

«Успех». Такого кошунства Костик простить не мог.

– Вы б смотрели, куда садитесь! – возмутился он. – И не задницей, а глазами!

Зад, а точнее, обладатель зада – плотный сорокалетний мужчина с бычьей шеей – повернул голову. На его лице, а точнее, той части, что он удосужился повернуть к Костику, не было заметно ни тени смущения. Скорее возмущение и удивление, но никакого смущения, это уж точно.

– Я и смотрю глазами! – пробасил Зад. – Это ты жопой смотришь! Не видишь, что ли, – человек садится, чего вперед пролазишь!

– Пролазишь... – прокряхтел Костик, пытаясь выбраться из-под припечатавшего его зада, который не торопился подниматься. – Пролезаешь вообще-то... Может, вы хоть встанете, чтобы я выбрался?

Шатенка, наблюдавшая эту склоку, почему-то решила принять сторону Зада:

– Молодой человек, имели бы совесть... Ведь правда, мужчина сесть хотел, а вы тут влазите.

– Влезаете, – с облегчением вздохнул Костик: ему таки посчастливилось выбраться из-под гнета. – Да не вылезал я никуда. Я здесь сидел. Вы меня просто не заметили.

– Обое? – Шатенка изящно изогнула выщипанную бровь, а Костик подумал, что лучше бы она лишний час в неделю полистала словарь Ожегова.

– Оба, – обреченно ответил он. Спор с этой парочкой сле-

поглухих заранее был провальнoй затеей.

— Вот ведь наглюка, — продолжал возмущаться Зад, укоризненно качая головой. — Врет, главное, и не краснеет. Сидел он здесь. Ага. Мы тут, блин, слепые, а он один самый умный. Еще и поправляет же, хамло...

Костик накинул лямку рюкзака на плечо, прижался к стене и вцепился в Эмиса, как поп в молитвенник. Продолжать спор было глупо и бессмысленно.

Глаза Костики прыгали по строчкам, не разбирая текста. И что за белиберда творится с ним с самого утра? Вначале Витя, потом вот эти двое... Как будто он превратился в человека-невидимку. А может, так оно и есть?

В кабинете нотариуса Костиковы сомнения рассеялись. Нотариус взял предназначенный ему конверт, любезно поставил надлежащие печати на священных бумажках Пал Саныча и отпустил Костику с миром.

Часть пятницы — и хорошо бы худшая ее часть — наконец-то прожита.

До «ОБ-консалтинга» Костик доехал без приключений, если не считать того, что несколько раз он чуть не распрощался со своими пальцами: блондинка на шпильках и здоровенный бугай, запечатанный в кожаную куртку, старательно пытались отдавить ему ноги. Костик, памятуя неприятный эпизод в нотариальной конторе, молчал как партизан, решив для себя, что сегодня пресловутые магнитные бури или про-

сто неблагоприятный для обычного человека день.

Добравшись до конторы, Костик, к своей радости и удивлению, узнал, что Пал Саныч сегодня отсутствует. Шеф приболел – бог знает, той ли болезнью, которой вчера рисковал заболеть Костик, или какой другой, так или иначе, Костик был избавлен от лицезрения физиономии шефа и, что самое приятное, от его криков.

Обязанности Пал Саныча временно взяла на себя Лилечка, общаться с которой было гораздо приятнее и проще, чем с ее громогласным коллегой. Лилечка особенно ничего собой не представляла: в меру миленькая, в меру любезная, в меру вспыльчивая, в общем, всего по чуть-чуть. Может, это самое «чуть-чуть» и мешало ей продвинуться по пресловутой служебной лестнице и наладить личную жизнь, которой, судя по отсутствию многозначительных диалогов с трубкой мобильного телефона, у нее вовсе не было.

По ОБ ходили слухи, что она лесби, то есть, как сейчас принято говорить, «нетрадиционной сексуальной ориентации», но Костик не понимал, почему из такого факта, да даже вовсе и не факта, а предположения стоит раздувать пожар. Он недоумевал, почему люди так интересуются задворками чужой личной жизни, когда на человека им, в сущности, наплевать? Но на этот вопрос, как и на многие другие, Костик не мог найти однозначного ответа.

Что же до Лилечки, то его совершенно не волновало, как она выглядит, чего в ней «чуть-чуть», а чего не мешало бы

прибавить. Самое важное, по мнению Костика, заключалось в том, что Лилечка просто милая девушка. Она умела выслушать, не держала нос кверху с подчиненными, не лебезила перед начальством и вообще была настоящим человечком.

Так что скверную половину пятницы полностью компенсировала Лилечка в качестве пусть временной, но начальницы. И Костик даже почувствовал себя оптимистом, когда она с ослепительно-веснушчатой улыбкой сообщила ему эту новость.

– Сегодня дела принимаю я, – увенчала она короткий рассказ об официальной версии болезни Пал Саныча. – С печатями порядок?

Костик кивнул и протянул ей ярко-желтую папку, от которой даже у него рябило в глазах.

– Без Пал Саныча не заскучаешь? – ехидно поинтересовалась Лилечка.

Корпоративная этика с Лилечкой была ни к чему – впрочем, даже если бы она была необходима, Костик ответил то же самое:

– Смеешься?

– Вроде того. Вот думаю, – хитро прищурилась Лилечка, – куда бы тебя послать?

– Куда угодно, только подальше от ОБ, – улыбнулся Костик. – И желательно не в налоговую.

– Вот у вас запросы, молодой человек, – хихикнула Лилечка. – А Вадик туда так рвался... Хочу, говорит, в налого-

вую, работать, говорит, жажду, сил нет. В общем, Золушка на выезде. Вроде и Пал Саныча нет, а все равно попу рвет наш трудяга.

Лилечка не хуже Костика понимала это рвение.

Вадик, второй курьер в ОБ, из всех сил старался прыгнуть выше собственного роста. Вдохновленный примером прежнего курьера, а ныне менеджера Николая Фролова, молодой человек не щадя живота своего рвался попасть в дамки. Честь ему и хвала, если бы он трудился не покладая рук, а точнее, ног своих и проявлял инициативу. Но Вадик совсем не так прост, чтобы надеяться перемахнуть хотя бы одну ступеньку иерархической лестницы ОБ только за счет своего усердия. А потому не брезговал лишний раз подсуетиться перед Пал Санычем, где надо, улыбнуться, где надо, потупить взор, где надо, изобразить искреннее возмущение.

Но это, увы, было не самым главным недостатком Вадика.

Он с удивительной изворотливостью умудрялся подставлять своих бесхитростных собратьев-курьеров, Костика и Димку. При этом действия Вадима с точки зрения окружающих вовсе не выглядели подставой, потому что, глядя в эти честные прозрачно-голубые глаза, сложно было подумать, что Вадик нарочно поехал именно туда, куда собирался ехать Костик, или нарочно похвалился перед Пал Санычем, что добрался до налоговой № N за сорок минут, когда – в скобках отмечало про себя начальство – Димка добирался до нее не меньше часа.

– Вадик своего не упустит, – усмехнулся Костик, и Лилечка понимающе кивнула.

Все эти достоинства Вадика, разумеется, отмечались сильными мира ОБ, в частности Пал Санычем, который доверял Вадику самое почетное и ответственное дело – обналчку. Преследуй Вадик цель менее долгосрочную для достижения и более материальную, он давно уже мог бы смыться с пятьюстами тысячами и греть свою пятую точку на берегу какого-нибудь теплого моря. Но Вадик был слишком осторожен, к тому же имел совершенно другие планы насчет «ОБ-консалтинга».

Прислушавшись к пожеланиям Костика, Лилечка усадила его в каморку – крошечный закуток, где обычно обедали курьеры, – напоила горячим кофе и отправила «подальше от ОБ», в маленькую фирму, занимавшуюся изготовлением печатей. Дорога до нее долгая и неудобная. Но Костик любил и саму дорогу, и то, что фирма была маленькой, и то, что там его всегда встречали с искренней улыбкой. Но больше всего ему нравилось, что в это место всегда отправляли во второй половине дня, и зачастую после получения или заказа печатей разрешалось не возвращаться в офис, а спокойно ехать домой.

В метро ноги Костика снова подверглись безжалостным нападкам мужской и женской обуви. Люди как будто не замечали вокруг себя ровным счетом ничего: толкались, били Костика локтями, задевали сумками.

Костик, ради шутки, решил, что, добравшись до дома, подсчитает количество синяков, полученных за сегодняшний день. Но его наполеоновские планы нарушил звонок Олега – друг настойчиво предлагал встретиться. Костик незамедлительно согласился, хотя уже предвкушал, чем закончится эта встреча: пиво плюс разговор, а потом еще пиво плюс разговор, а потом пиво, пиво, разговор, разговор, и так – на целую ночь.

Но, в конце концов, наступила долгожданная пятница. А полученные в метрошной давке синяки могут и подождать.

Олег Совенков и Костик Осколков жили когда-то в одном доме, на одной лестничной клетке – голубая мечта всех друзей – и были не сказать чтобы редкостными сорванцами, но чудными ребятами.

Оба испытывали невероятную тягу к крышам, где иногда даже устраивали «пикники»: минералка (или чай в термосе), бутерброды и что-нибудь на десерт, например пирожки с повидлом. Натуры романтические и мечтательные, они захлеб читали Майн Рида, «Одиссею капитана Блада» Саббатини, Жюль Верна и, разумеется, Джека Лондона, который в течение долгих лет грустно пылился на книжных полках Олежкиных родителей. Одноклассники их не понимали, но это непонимание не позволяло им отнести ребят к разряду изгоев и допекать так, как умеют допекать только дети и неповзрослевшие взрослые. Они были сами по себе: Олег и Ко-

стик. И особых претензий в школе к ним не имели.

В седьмом классе Костик влюбился в девчонку, Анечку Резник, и Олег, по закону подлости, оказался влюбленным в нее же. Но ребята не подрались и не поссорились, может быть, потому, что Анечка не благоволила ни тому ни другому, выбрав из всего класса самого красивого и тупого мальчика, а может быть, потому, что крепкую дружбу действительно не так просто разрушить даже любви, пускай и школьной.

В девятом родители Олега продали квартиру и переехали из Новогиреева в Зеленоград, руководствуясь соображениями экологической чистоты и прекрасной должности, которую предложили Олежкиному отцу, научному работнику. Но и это событие, довольно болезненно воспринятое и Костиком, и Олегом, не стало преградой для их общения. Ребята перезванивались, ездили друг к другу в гости, в общем, многолетняя дружба вновь-таки оказалась крепче обстоятельств.

Когда у Костика, студента-четверокурсника, умер долго болевший раком отец, Олег приехал и прожил у него несколько дней, чтобы поддержать и помочь с похоронами. После смерти отца мама Костика, Елизавета Михайловна, решила исполнить мечту многих женщин преклонного возраста: она уехала в деревню под Тулой, где и осталась жить «на натуральном хозяйстве», лишь изредка наведываясь к сыну в Москву.

С отъездом Елизаветы Михайловны, которая не очень-то жаловала гостей, Олег стал бывать у Костика чаще, а иногда, поссорившись с родителями, мог жить у друга неделями.

В отличие от Костика Олег был, что называется, «цельной натурой»: он не слишком-то терзался мыслями о том, найдет ли свое место в жизни, не переживал из-за своей нереализованности, не мучился из-за несчастных loves, которые преследовали Костика с отрочества. Олег получил востребованное образование: наступив на горло собственной песне, он задавил в себе желание поступать на филфак и поступил на физико-математический факультет в МЭИ. После окончания вуза он устроился системным администратором в небольшую, но и не очень маленькую фирму, занимающуюся медицинским страхованием атомных станций, и вполне спокойно работал в ней вот уже около трех лет.

Среди своих подруг Олег не искал идеала. Его нежелание жениться, наверное, и было причиной того, что девушки каждый год улетали от него, как перелетные птицы в теплые края. Но Олег не расстраивался – он жил с непоколебимой уверенностью в своей притягательности для женщин.

Олег не оставлял надежды познакомить Костика с какой-нибудь очаровательной девушкой, которая настроила бы мысли друга на новую волну, но это было не так просто, потому что большинство знакомых девушек Олега относились к Костику довольно скептически. Их не интересовал умный и романтический, но малообеспеченный парень. В этом случае

Костика извинила бы внешность Брэда Пита или, на худой конец, Эштона Катчера, но, увы, Костик обладал куда более заурядными данными.

На дне рождения у подружки своей девушки Олег познакомился с Викой, Светкиной приятельницей. Правда, после пяти – семи выпитых рюмок Олег не очень-то понял, что собой представляет симпатичная Вика. Зато самое важное он уяснил: Вика недавно рассталась с парнем и теперь находится в поиске.

Заручившись Светкиной поддержкой и Викиным телефоном, Олег чувствовал себя самым замечательным другом на свете – он нашел для Костика девушку! Теперь дело за малым: познакомить их и уповать на то, что Вика не останется равнодушной к романтическому обаянию Костика. Здесь Олежка очень рассчитывал на женскую мудрость своей второй половины, но Светка подвела – в самый последний момент отчалила на дачу с предками, поэтому Олегу самому предстояло знакомить друга с потенциальным предметом его воздыханий.

Костик узнал Олега по черной шерстяной шапке с аппликацией в виде скорпиона, а Олег узнал его по сине-красной куртке и неизменному рюкзаку за спиной.

– Костик! А мы тут! – крикнул он другу и демонстративно вцепился в Викин локоть.

«Новая пассия? – удивился Костик, направляясь к слад-

кой парочке, прижавшейся к бортику, над которым торчала красная «М». – А как же Светка? На донжуана Олежка не похож. Тогда зачем он ее сюда притащил? Хоть предупредил бы...»

Вика рассеянно обводила взглядом проходящих мимо людей. Она даже не замечала Костика. Увидев ее блуждающий взгляд, Костик вспомнил Витьку, нотариальную контору и нахмурился. Он стоит прямо перед ее носом, а она все еще высматривает кого-то из толпы. Неужели он стал вдруг таким незаметным?

Впрочем, радость от встречи с Олегом перевесила неприятное ощущение. Костик потянулся к Олегу, чтобы поздороваться, но встретил на пути неожиданное препятствие в виде ноги, которую девушка, как будто специально для него, выставила вперед. Нелепые взмахи руками недолго помогли бы Костiku держать равновесие – от падения его спас Олег, очень своевременно вцепившийся в рукав сине-красной куртки.

– День еще не закончился, а ты уже на ногах не стоишь, – хихикнул Олег.

Наконец-то девушка заметила присутствие в этом мире Костика и даже соизволила убрать ногу, из-за которой тот чуть не клюнул носом в мокрый, усыпанный окурками асфальт.

– Привет. – Костик пожал руку Олегу и посмотрел на незнакомую девушку. – Я – Костик, Олежкин друг.

– А я – Вика, – чересчур любезно улыбнулась девушка. – Очень приятно. Ну что, куда вы меня поведете?

– «Прага»? «Метрополь»? – натянул улыбку Костик и посмотрел на Олега взглядом, требующим немедленных разъяснений касательно сложившейся ситуации.

– Вика – Светкина подруга, – засуетился Олег. – Светка приехать не смогла, к предкам свалила на дачу. Так что сегодня гуляем без нее.

– Не май месяц для прогулок-то, – снова вмешалась Вика. – Я тут посинеть успела, пока мы вас, Костик, ждали.

Судя по взгляду, Костик обязан был компенсировать время и неудобства, которые очаровательная Вика, в черных сапогах на шпильке, выразительном мини и модной золотистой курточке, успела испытать за десять минут вынужденного ожидания.

– Я здесь рядом живу. Если «Прага» и «Метрополь» не критичны, можно посидеть и у меня. Разносолов не обещаю – беден как церковная мышь, но пельмени с сыром будут. И даже огурцы соленые – мама из Тулы привезла.

– Ну ты даешь, – расхохотался Олег. – Я такую девушку привез, а ты – огурцы, пельмени... Может, еще и водки?

– А что, я бы не отказался – пятница же...

Костик снова покосился на Вику. Ну да, вполне предсказуемая реакция. Викино миленькое личико скривилось так, как будто ее заставили выпить стакан лимонного сока.

Последние пару лет для Костика это стало обычной прак-

тикой: знакомясь с девушкой, показывать свои главные недостатки, в частности – бедность. Кто-то мог бы вспомнить, что бедность – не порок, но Костик знал на сто процентов: подавляющее большинство девушек, москвичек или приезжих, считает бедность и отсутствие хорошей работы не просто пороком, а ужаснейшей болезнью. Костик почти уверился в том, что проще сказать больным СПИДом, чем признаться, что получаешь копейки и работаешь курьером в свои двадцать пять лет. В первом случае есть шанс, что тебя хотя бы пожалеют. Во втором – ни жалости, ни сочувствия, ни прощения не жди. Какой курьер, когда вокруг все грезят олигархами, звездами или героями телепроекта «Дом-2»?.. Или, на худой конец, менеджерами среднего звена с перспективами роста...

А в том, что Олег привез Вику специально для него, Костик уже не сомневался. Так что сразу выстрелил своим боевым оружием, дабы позже самому не получить сперва выстрел в спину, а потом и контрольный – в голову. От Вики можно было запросто ожидать и того и другого. Так что начало знакомства выглядело весьма многообещающим. Олег это заметил и изо всех сил пытался скрасить первое впечатление, которое, судя по Викиному лицу, было далеко не самым лучшим.

Тем не менее предложение зайти к Костику было принято единодушно. Викины ноги в тоненьких колготках начали отливать благородной синевой; ни «Метрополь», ни «Прагу»,

ни даже «Макдоналдс» Костик бы не потянул, поэтому все дружно направились к нему.

Костик, решив, что девушка в общем-то ни в чем не виновата, галантно раскошелился на бутылку недорогого кьянти и кусочек дор блю, рискуя провести ближайшую неделю на голодном пайке. Себе и Олегу он взял-таки бутылку «Богородской» и большую, на вид жирную сельдь, благо дома лежал пакет репчатого лука и стояли остатки ароматного подсолнечного масла.

В подъезде они столкнулись с Витькой Горчаковым. Он сделал вид, что не замечает Костику, поэтому поздоровался только с Олегом и улыбнулся их спутнице, которая, судя по долгому взгляду, пробудила в нем живейший интерес.

– Чего это он? – недоуменно воззрился на Костика Олег. – С тобой даже не поздоровался...

– А мы с ним с утра пособачились, – объяснил Костик. – Этот человечище чуть меня машиной не переехал. А возмущался так, словно я ему под колеса бросился.

Олег недоверчиво покосился на друга.

– Да ладно тебе? Ничего себе, елки зеленые... На Витьку не похоже, обычно он внимательный...

– Знаешь, Олежек, я тоже удивился, – задумчиво кивнул Костик. – Но ехал Витька так, как будто меня в упор не видел. У меня этот клятый бампер и сейчас перед глазами стоит. Может, насмерть и не сбил бы, но кости точно переломал. Да ладно, – махнул он рукой. – Чего вспоминать? Обид-

но только, что я еще и крайним оказался. А вчера... — Костик хотел было поведать Олегу о старикане с билетиками, но осекся: Вика вряд ли поверит в эту историю и, чего доброго, поднимет его на смех.

В теплой квартире она немного расслабилась, ее скукоженное личико разморозилось и стало походить на лицо обыкновенной девушки, которая, правда, несколько перебарщивала с косметикой. Количество тонального крема, «дермакола», как его называла Костикова мама, теней, черного карандаша, да и, пожалуй, помады, сильно преувеличивающей контур губ, могло бы быть меньше как минимум раза в два. Девушка определенно вооружилась, чтобы покорять новые территории.

И о чем Олег думал, когда решился сосватать ему этот гламур?

Вика сняла сапожки, позволила Костику стащить с себя курточку, критически оценила предложенные на выбор тапки и, натянув Костиковы нелюбимые желтые с дурацкими цветочками, деловито прошествовала в единственную комнату, которую Костик когда-то делил с предками. Комната, правда, была большой, семнадцать метров квадратных, что произвело на Вику должное впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.